

УДК – 94 (470. 67) «04/14»: 903. 43

ГАДЖИЕВ ТАМЕРЛАН ВЛАДИЛЕНОВИЧ

д.и.н., профессор кафедры «Государственного
и муниципального управления» ФГОБУ ВО
«Дагестанский государственный университет»,
e-mail: gatam@list.ru

DOI:10.26726/1812-7096-2021-4-114-121

К ВОПРОСУ О ГОРОДЕ В СРЕДНЕВЕКОВОМ ДАГЕСТАНЕ

Аннотация. *Предмет работы* — город в средневековом Дагестане как явление социально-экономического, военно-политического и культурного характера. *Методология работы* базируется на теоретических основах государственной (юридической) и органической школ, методах историзма и холизма. *Результаты работы* показали, что факт наличия в средневековом Дагестане значительного числа городов, полностью отвечающих критериям города в трактовке М. Вебера, не подлежит сомнению. Управление городами в средневековом Дагестане осуществлялось посредством учреждений, в создании которых участвовали сами горожане. Причём не только теми городами, что были центрами союзов гражданских общин, но и теми, что являлись резиденциями амиров — столицами феодальных образований. *Областью применения результатов* работы являются муниципальные образования Дагестана. **Выводы.** Работа дагестанских муниципальных образований должна строиться с учётом ценностей традиционной политической культуры. **Ключевые слова:** Дагестан, Макс Вебер, город, рынок, корпорация.

GADZHIEV TAMERLAN VLADILENOVICH
Dr.Sc. of Histori, Professor of the Department of State
and Municipal Administration, Dagestan State University,
e-mail: gatam@list.ru

ON THE QUESTION OF A CITY IN MEDIEVAL DAGESTAN

Abstract. *The subject* of the work is the city in medieval Dagestan as a phenomenon of socio-economic, military-political and cultural character. *The methodology* of the work is based on the theoretical foundations of the state (legal) and organic schools, methods of historicism and holism. *The results* of the work showed that the fact of the presence in medieval Dagestan of a significant number of cities that fully meet the criteria of the city in the interpretation of M. Weber is beyond doubt. The management of cities in medieval Dagestan was carried out through institutions, in the creation of which the citizens themselves participated. And not only those cities that were the centers of unions of civil communities, but also those that were the residences of amirs — the capitals of feudal entities. *The scope* of application of the results of the work is the municipalities of Dagestan. **Conclusions.** The work of Dagestan municipalities should be based on the values of traditional political culture. **Keywords:** Dagestan, Max Weber, city, market, corporation.

Введение. В посвящённой Дагестану социальной науке вопрос о средневековом дагестанском городе как о явлении одновременно военно-политического, социально-экономического и культурного характера не ставился более полутора веков. И это притом, что государство, в составе которого Дагестан находился на протяжении указанного времени, трижды изменило свою социально-экономическую и культурно-политическую природу.

Не приходится сомневаться, что в условиях имперской, а затем и советской государственности это делалось не случайно, а именно с целью максимально возможной архаизации традиционного дагестанского общества. Таким образом, легко обосновывалась цивилизаторская

миссия Российской империи, а затем и освободительно-цивилизаторская миссия Советского государства. Как подчёркивал Ф. Энгельс: «Недаром высятся грозные стены вокруг новых укрепленных городов: в их рвах зияет могила родового строя, а их башни достигают уже цивилизации» [21, с.164]. А один из виднейших представителей советской исторической науки, академик Б.Д. Греков, в полном соответствии с этим положением, констатировал: «Если в племени появились города, то это значит, что племени как такового уже не существует. Стало быть, и “племенных городов” как особого типа городов быть не может» [11, с. 101].

Но и в условиях постсоветской России отношение к проблеме города в средневековом Дагестане не претерпело корректировки, что более чем симптоматично. Теперь уже не государственная идеология или власть, а определённый алгоритм влияет на исследователей и делает это с не меньшей эффективностью. Преодолеть это пагубное влияние – цель данной статьи.

Обращаясь к средневековому дагестанскому городу, надо, прежде всего, оставить в стороне Дербент, который изначально возник как форпост Сасанидов на Кавказе и оставался пограничным по отношению к Дагестану на протяжении всего средневековья. Во внутреннем Дагестане и сегодня имеется ряд не уступающих ему по возрасту поселений, о которых в широко известных средневековых источниках говорится именно как о городах. Более того, эти источники свидетельствуют, что возникновение первых в Дагестане городов было вызвано теми же причинами, что и возникновение Дербента. А именно, вторжением в прикаспийские области многочисленных кочевников с севера, радикально изменивших военно-политическую обстановку в регионе.

Так, в известной грузинской хронике XI в. «Жизнь Картлийских царей» летописец Л. Мровели сообщает, что после вторжения хазар в прикаспийские области, в результате которого брат хазарского царя обосновался в «уделе Лекана», некто «Хозаних, что был самым знаменитым в роду Лекана, ушел в горную теснину, воздвиг там город и дал ему свое имя – Хозанихети» [14, с. 25].

Комментируя это сообщение, публикатор летописи Г.В. Цулая писал: «Лекан – этнарх (праотец) леков (дагестанцев), который, с благословения праотца кавказских народов – Таргамоса, явился основателем огромной страны от Каспийского (Дарубантского) моря – на востоке до р. Терека (Ломека) на западе и устья Волги (Великой реки Хазарети) – на севере» [19, с. 46]. Соответственно, и страна эта в той же хронике названа Лекети. Поясняя это название, известный этнолог А.В. Гадло в работе «Этническая история Северного Кавказа IV–X вв.» указывал, что в хронике Л. Мровели «под наименованием страны “Лекети” скрывалось конкретное наименование “Сарир”» [9, с. 25]. И к этому надо добавить, что все исследователи, начиная с И.-Ю. Клапрота, считали, что под хазарами Л. Мровели следует понимать скифо-сармат в совокупности с вытеснившим и заместившим их в конце IV– начале V вв. «тюркоязычным гуннским массивом» [12].

Относительно топонима Хозанихети следует сказать, что, по общему мнению исследователей, за ним стоит раннесредневековый город Хунзах. Причём местные предания также сохранили память о возвышении Хунзаха в противовес прежнему потестарному центру – Тануси [7, с. 240], который существует и сегодня.

Название Хунзах, через имя его легендарного основателя Хозаниха, восходит к древнеиранскому слову, означающему «сокровище», «хранилище», «богатство», и иной этимологии для имени легендарного героя из рода Лекана на базе местной, кавказской лексики не существует [9, с. 24-25]. Но, что примечательно, существуют ещё два города, имевших аналогичное название «Ганзак», также возводимое к древнеиранскому слову «сокровище». Первый из них находился на северо-западе Ирана и датируется IV в. до Р/Х, а второй упоминается с IX в. и сегодня известен как Гянджа.

В статусе главного города Дагестана – основной резиденции его Верховного правителя Хунзах фигурирует не только в указанной грузинской летописи, но и в многочисленных источниках IX–XIII вв., относящихся к так называемому корпусу средневековой арабо-иранской географической литературы, имеющей мировое значение и звучание. И в них же содержатся свидетельства того, что синхронно с Дербентом в Дагестане, помимо Хунзаха, возникли такие города, как Кумух, Зарикеран (Кубачи), Агхцах (Ахты) и целый ряд других, поныне не локализованных исследователями.

О наличии в Дагестане значительного числа городов свидетельствует и базовый для дагестанской истории местный источник начала XIV в. «Тарих Дагестан». В нём говорится: «Знайте, что Дагестан был прекрасной страной, обширной для его обитателей, сильной перед чужаком, радующей глаз, обильной богатствами из-за справедливости жителей. В нём было много селений и большое число городов...» [16, с. 97].

Аналогичную информацию, относящуюся к позднему средневековью, содержат синхронные источники переднеазиатского и западноевропейского происхождения. Так, известный османский путешественник середины XVII в. Э. Челеби отмечал, что в Дагестане существует «47 округов, управляемых кадиями, и в этом краю имеется 41 благоустроенный город, всего же там имеется 56 крепостей» [20, с. 107]. А сопровождавший Петра I в «Персидском походе» Г. Брюс писал: «Этот город Тарки, главный город Дагестана, имеет более трёх тысяч домов и наполнен жителями. Дома все двухэтажные, плоские сверху и стоят близко друг к другу. Вечером, как мужчины, так и женщины, идут на улицу прогуливаться в прохладе» [4, с. 22].

Наконец, посетивший Кавказ в конце XVIII в. саксонец Я. Рейнегс не только отметил факт наличия городов в Дагестане, но и передал некоторую атмосферу городской жизни. Характеризуя самый густонаселённый из всех кавказских городов XVIII в. дагестанский город Эндирей, он писал: «Среди всех кавказских народов Эндирей за первейшее убежище почитается, где каждой чужестранец и беглец находит себе защиту и прибежище, и для того стекается сюда великое множество людей из различных народов» [15, с. 254]. А говоря о населении Дагестана в целом, отмечал: «Некоторые из них живут в хороших городах, а другие в деревнях не меньшей приятностью наслаждаются» [15, с. 267].

Резюмируя приведённые свидетельства, надо подчеркнуть, что они не являются ни исчерпывающими, ни эксклюзивными. И, тем не менее, при описании средневекового Дагестана практически все современные авторы умудряются не заметить никаких иных поселений кроме сёл, именуемых ими аулами. Между тем «аул» в переводе с арабского означает не что иное, как «квартал», число которых в крупных дагестанских поселениях достигало, и даже превосходило, десяток. Каждый квартал имел своё название и являлся базовой единицей системы местного самоуправления, что типологически сближало традиционный дагестанский город со средневековыми городами Западной Европы.

Методы исследования. В этой связи возникает закономерный вопрос, а какими признаками или характеристиками должно было обладать то или иное поселение в средневековом Дагестане, чтобы современные исследователи признали в нём типичный средневековый город? При этом следует отметить, что социальная наука не даёт определения или хотя бы набора критериев, которые могли бы позволить отличить «город» от поселений иного типа. В науке существует множество гипотез возникновения «города» и определений его как понятия, но ни одно из них не является общепризнанным.

Развёрнутое изложение и критика ключевых теорий происхождения города содержится в фундаментальной работе немецкого исследователя в области экономической истории и истории городского строя Германии Г. фон Белова. Его исследование «Городской строй и городская жизнь средневековой Германии» в русском переводе было издано в Москве ещё в 1912 г. [2]. И схожие взгляды на эту же проблему высказывает в работе «Средневековый город Ближнего Востока (VII – середина XIII вв.)» отечественный автор О.Г. Большаков. В частности, он подчеркивает, что какое бы количество признаков ни пытались мы учесть, мы никогда не найдём бесспорную границу между городом и не городом. Всякая абстракция, всякое определение огрубляет действительность, жертвует частностями ради общего [3, с. 9; 58].

При таких условиях большинство отечественных кавказоведов вообще не задаются вопросом о дефиниции, предпочитая руководствоваться, по сути, «житейскими» представлениями о городе. И в этом случае на место главного признака для определения города выдвигается факт наличия или отсутствия у поселения оборонительных стен и замковой архитектуры. Но надо иметь в виду, что в разные эпохи у различных народов отношение к оборонительным сооружениям было далеко не однозначным. Так, в Спарте даже гордились отсутствием стен, с вызовом называя свой город открытым военным лагерем спартиатов. И аналогичное отношение к оборонительным укреплениям было у монголов в эпоху Золотой Орды.

А вот в Дагестане факт наличия оборонительных стен и классических образцов замковой

архитектуры у большинства исторических поселений не подлежит сомнению. Притом, что окружающий ландшафт и традиционная архитектура самих поселений делали их почти неприступными. Обо всём этом имеется достаточно свидетельств многочисленных, разнохарактерных и разноязычных синхронных источников. А потому задаваться вопросом об их отсутствии на месте нынешних поселений с древней историей допустимо дилетанту, но не специалисту.

Исследователю-кавказоведу должно быть известно, что в XIX в. практически все они подверглись разрушению в ходе более чем полувековой войны. А те немногие, что уцелели, были целенаправленно и планомерно скрыты после подавления известного восстания 1877 г. Причём, сказанное относится ко всему Дагестану, а не только к тем территориям, которые контролировались имамом Шамилём в период его 25-летней борьбы. А засвидетельствовал это сам генерал А.П. Ермолов, когда писал о столице Кайтагских уцмиев – городе Башлы: «в Башлах не осталось камня на камне, и следы его основания совершенно изглажены» [14, с. 316].

Ещё одним признаком, на основании которого пишущие о Дагестане авторы отказывают ему в наличии городов, является тесная связь дагестанских поселений с сельским хозяйством. Даже таких городов, которые, подобно упомянутому Башлы, являлись резиденциями амиров и, как следствие, центрами удельных владений. При этом игнорируется то, что в средние века в той же Западной Европе было немало городов, 90% жителей которых обеспечивали себе пропитание продуктами своего же хозяйства. А, кроме того, существовали ещё и города сельскохозяйственного типа, население которых занималось производством продуктов питания для их реализации на рынке. К этому надо добавить, что подавляющее число западноевропейских средневековых городов, подобно дагестанским поселениям, обладало ещё и значительной альмендой, т.е. не поделённой землёй в виде угодий, принадлежащих всей городской общине.

Несомненно, обыденное сознание в значительной мере включает в себя представление о городе как о торгово-ремесленном поселении. Но торговая активность крупных и центральных, по отношению к определённому району, дагестанских поселений достаточно известна и не оспаривается даже теми исследователями, кто упорно не видит городов в средневековом Дагестане.

Между тем в таких поселениях функционировали ежедневные рынки, на которых население удовлетворяло большую часть своих повседневных потребностей в продуктах и товарах, произведённых и доставленных на рынок самими жителями или населением окрестностей. И это притом, что еженедельные рынки, широко известные в странах Передней Азии и Западной Европы, были для Дагестана типичным явлением с глубокой традицией. Как писал в середине XVII в. упоминавшийся выше Э. Челеби, «В каждом городе раз в неделю на площади устраивается громадный торг: каждый выносит на площадь свои товары и, словно щедрый хозяин, ведёт куплю и продажу. И на любой торговой площади, как только начинают читать азан, все на торгу покидают свои товары в том виде, как есть, и толпами направляются в соборную мечеть совершать предписанную молитву» [20, с. 110].

А грузинский историк В.Н. Гамрекели, исследовав в середине XX в. торговые связи Восточной Грузии с Северным Кавказом в XVIII в., пришёл к заключению, что Дагестан резко выделялся на Северном Кавказе как регион «с развитой городской жизнью и значительными торговыми центрами». И он же отмечал, что, являясь «территорией транзита большой международной торговли, Дагестан, вместе с тем, имел свои самостоятельные экономические потребности и интересы, связанные с его внутренним социально-экономическим развитием: расширялись внутриагестанские торговые связи, циркулировала дагестанская товарная продукция. Дагестан имел и свою внешнюю торговлю: с одной стороны, его товары включались в общий товарный поток большой международной торговли, а с другой, Дагестан служил рынком сбыта части иностранных товаров» [10, с. 74–75].

Известно, что обыденное представление о городе может основываться даже на утверждении о том, что в городе дома должны тесно примыкать друг к другу или опираться на такой, отнюдь не универсальный, признак, согласно которому, его отличает узкоспециализированное ремесленное производство.

Но в соответствии с такими представлениями под определение город подпадут практиче-

ски все поселения в Дагестане или большая их часть в отдельных его регионах. Как отмечал ещё Х.-М.О. Хашаев: «Расположенные вокруг Гази-Кумуха селения можно сравнить с цехами средневекового города, так как каждое селение специализировалось по производству какого-нибудь одного изделия, а все селения, вместе взятые, производили всё, что было необходимо для удовлетворения потребностей в одежде, вооружении, украшениях, даже в кулинарии» [18, с.161–162].

И всё же надо признать, что для большинства исследователей, как и для дилетантов, главным признаком, позволяющим отличать город, служит количественный признак, являющийся вместе с тем крайне поверхностным. Об этом говорит хотя бы тот факт, что на юге России имеются деревни, исторически – казачьи станицы, население которых насчитывает по несколько десятков тысяч жителей, что превосходило и даже сегодня превосходит число жителей многих городов в той же Западной Европе. Но поскольку указанный признак всё-таки довлеет над сознанием и, более того, подсознанием тех, кто привычно смотрит на Дагестан как на отсталый регион, необходимо рассмотреть и его в сравнительно-сопоставительном плане.

В изданных в 1823 г. «Известиях...» С.М. Броневский утверждал, что в Баку «домов числится 500, жителей 3000», и, примерно в то же время, в городе Куба насчитывалось 350 домов и 1069 душ мужского пола, т.е. общим числом жителей не более 2500 человек. Схожая ситуация наблюдалась и на территории Восточной Грузии, где в 1770 г. было всего 8 городов: Тбилиси с населением до 20 000, Телави – 3700, Цилкани – 3500, Гори – 2500, Сурами – 1000, Ананури – 500, Сигнахи – 500, Ахалгори – 500.

Как отмечал видный грузинский историк З.В. Анчабадзе: «Население городов Грузии было немногочисленным: в 70–80-х гг. XVIII в. большинство городов насчитывало менее 1000 жителей, и лишь в некоторых городах население достигало 2–3 тысяч душ» [1, с. 26]. А то что население Тбилиси в какой-то период достигало 20 000, объяснялось тем, что в своём большинстве (77% в 80-х гг. XVIII в.) оно состояло из зависимых земледельцев Картли-Кахетинского царя Ираклия II, вынужденно укрывавшихся за городскими стенами от дагестанских набегов в так называемую эпоху «лекианобы».

Для того чтобы ещё ярче высветить реальное положение с городами в Дагестане, надо выйти за пределы Кавказа и взглянуть на страны, известные своей глубокой городской традицией. Так, в Иране насчитывалось всего 20 городов, население которых превышало 10 000 жителей, и от 40 до 50 городов с населением менее 10 000. При этом Иран являлся страной с высоким процентом городского населения, которое составляло 20% от населения страны. В других странах этот показатель составлял от 10 до 20%. В той же Франции городское население составляло 10%, а в Германии менее 10%. И, наконец, можно указать, что во второй половине XVII в. в Московском царстве лишь 35 городов имели население, превышавшее 1500 душ мужского пола, т.е., при приблизительном подсчёте, около 3000 жителей.

В Дагестане в это же время имелись целые агломерации городов, а не несколько городских центров, расположенных на большом расстоянии друг от друга. Однако учета домовладений ни в одном из них не велось, так как в этом не было необходимости. Объясняется же это тем, что население Дагестана в своей подавляющей части составляли уздени, которые владели землёй на правах частной собственности и строили на ней свои дома, не подлежащие, согласно традиции, налогообложению. А потому информация иностранных авторов и, особенно реляции царских военных, служат едва ли не единственным достоверным источником относительно количества домовладений в том или ином дагестанском поселении.

Описывая на рубеже XVII–XVIII вв. город Тарки, резиденцию и столицу Верховного правителя Дагестана – шамхала, голландский географ Н. Витсен отмечал «там около 8 000 человек». И это после страшной чумы 1694–1695 гг. А за четверть века до этого И.-А. Гильденштедт насчитывал в этом городе 1 200 домов. В свою очередь, С.М. Броневский в начале XIX в. насчитал в Тарки 10 000 жителей. Причём, две последние цифры подтвердил и И. Березин, обративший внимание ещё и на наличие в этом городе 8 мечетей. Но уже к середине XIX в. население сократилось до 5 000, что было вызвано, по его же свидетельству, разрушением города Тарки в 1831 г., а также отъездом самого шамхала в город Казанище. Это стало следствием возросшей активности царских войск на прилегающих к Тарки территориях: строительство укреплений, порта, постоянная передислокация войск и т. п.

А так как чрезмерный централизм был абсолютно чужд дагестанской политической культуре, «город Тарки, главный город Дагестана...», как верно определял его вышеупомянутый Г. Брюс, не являлся чем-то исключительным. В сведениях за 1725 г., собранных при походе царских войск против Адиль-Гирей-шамхала, указано, что в Большом Казанище вместе с пригородами Буглен и Верхний Казанище было сожжено 1 500 домов. И в том же контексте отмечалось, что в Карабудахкенте насчитывалось 790 домов, а Губдене более 1 000. Но наиболее внушительных размеров достигал Эндирей, где к началу XVIII в. было почти 3 000 домов. А на рубеже XVIII–XIX вв. этот город с населением 20 000 жителей являлся крупнейшим на всём Кавказе.

И это притом, что царская администрация прилагала максимум усилий для увеличения численности разноплеменного населения подконтрольных ей городов Моздок и Кизляр. Однако результаты были несопоставимы с затраченными силами и средствами. Так население Моздока возросло с 1 620 человек в 1777 г. до 3 048 в 1789 г., а население Кизляра с 1 924 человек в 1775 г. до 5 464 в 1798 г.

В Дагестане же города имелись не только в предгорьях, но и высоко в горах. По сведениям И.-А. Гильденштедта, в городе Кубачи проживало 1 000 семей, а в Анди – 800 семей, в Цудахаре же насчитывалось 3 000 жителей. Более того, в горах Дагестана города существовали не только как отдельные центры, но и как агломерации. Так, на рубеже XVIII–XIX вв., по сведениям И. Багратиони, в самом центре Дагестана, в одной из горных областей страны, имелись города: «Кудалис (Кудали) – здесь живут дворов 700, Чух (Чох) – здесь живут 905, Сугарат (Согратль) – здесь живут 712, Ругважа (Ругуджа) – здесь живут 620, Корода – здесь живут 411. Приписанные к ним мелкие села, вместе взятые, именуются Андалал». И, действительно, указанные поселения признавались и в местных источниках городами, вплоть до их разрушения в ходе указанных выше известных событий.

При этом картина будет не полной, если не вспомнить и о множестве урбанизированных поселков, таких, как Кули, Хосрех, Унчукатль, Куппа, Уркарах, Мискинджи, Гелли, Тинди, Бежта и др., в которых насчитывалось 300–450 домовладений и приблизительно по 2 000 жителей. Такие поселения в той же Османской империи назывались касаба, что чётко отделяло их от типичных сёл. И если присовокупить такого рода поселения к городам, то их общее число может достичь 70 и даже 100.

Приведённые количественные показатели были преднамеренно взяты из исследования З.Т. Гаджиева [6, с. 184–191], защищённого в качестве кандидатской диссертации на совете Института Востоковедения РАН, с тем чтобы заранее отвести возможные сомнения относительно их достоверности. Сами цифры, несомненно, могут впечатлить, но они не могут превратить не существенный для определения города признак численности в существенный.

И поскольку город представляет собой явление явно не одномерное, то для его лучшего понимания имеет смысл обратиться к столь же не одномерному мыслителю, каким был Макс Вебер. Он принадлежал к числу универсальных умов, каких с ростом специализации в научной сфере становится всё меньше. М. Вебер одинаково хорошо ориентировался в области политэкономии, права, социологии, философии, выступал как историк хозяйства, политических институтов и политической теории, религии и науки, наконец, как логик и методолог, разработавший принципы познания общественных наук.

Так, в его фундаментальном исследовании «Хозяйство и общество», изданном посмертно в 1921 г., содержится раздел, посвящённый городу как таковому. В нём М. Вебер, исходя из конкретно-исторической реальности, утверждает, что город возник в результате сложных, взаимозависимых процессов военно-политического, экономического и социального порядка и выступил на историческую авансцену в форме единого комплекса явлений, отразивших разнохарактерные силы развития, которые вызвали его к жизни.

Город, считает М. Вебер, суть «поселение с сильно выраженным, по крайней мере, относительно, торгово-промышленным характером», обладающее следующими признаками: 1) наличием укрепления; 2) наличием рынка; 3) наличием своего суда и хотя бы какого-то собственного права; 4) наличием корпоративности; 5) наличием хотя бы какой-то автономии и автокефалии. А следовательно, и управлением посредством учреждений, в создании которых, так или иначе, участвовали сами горожане [5, с. 31].

Результаты. С таких позиций любому непредубеждённому кавказоведу должно быть очевидно, что вопрос о городе в средневековом Дагестане вообще не является дискуссионным. И если о наличии «укрепления» и «рынка» во всех упомянутых, а также не названных, но типичных для Дагестана исторических центрах союзов гражданских общин уже было сказано, то останавливаться детально на последующих признаках, указанных М. Вебером, явно излишне.

Выводы. Надо просто учесть, что такое понятие, как «властная вертикаль», было абсолютно неведомо политической культуре Дагестана, сохранявшего в течение полутора тысяч лет своей истории [8] традиционную внутреннюю федеративную структуру. Для Дагестана был характерен высокий уровень автономности не только городов или поселений типа касаб, порой также стоявших во главе союзов гражданских общин, но и отдельных общин, пользовавшихся в рамках таких союзов самым широким самоуправлением.

И, соответственно, действовавшие в Дагестане адаты, т.е. нормы обычного права, отличались большим разнообразием. Практически каждая община имела свои, в чём-то отличные от соседей нормы обычного права. Начиная со второй половины XIX в. памятники этого права

Литература

1. Анчабадзе, З.В. *Очерки экономической истории Грузии первой половины XIX в.* – Тбилиси, 1966.
2. Белов, фон Г. *Городской строй и городская жизнь средневековой Германии.* – М., 1912.
3. Большаков, О. Г. *Средневековый город Ближнего Востока (VII – середина XIII вв.).* – М., 1984.
4. Брюс, Г. *Дневник*; пер. с англ. // РФ, ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп.1. Д. 58.
5. Вебер, М. *Город / Институт муниципального управления.* – Обнинск, 1996.
6. Гаджиев, З. Т. *Основные черты и особенности общественно-политического развития Восточного Кавказа в период османо-персидского противостояния (XVI–XVIII вв.): дис. ... к. и. н.* – М., ИВ РАН, 2012.
7. Гаджиев, М. Г., Давудов, О. М., Шихсаидов, А. Р. *История Дагестана с древнейших времён до конца XV в.* – Махачкала, 1996.
8. Гаджиев, Т. В. *Государство, общество и право в Дагестане (с древнейших времён до второй четверти XIX в.): дис. ... д.и.н.* – М.: ИЭИА РАН, 2002.
9. Гадло, А.В. *Этническая история Северного Кавказа IV–X вв.* – Л., 1979.
10. Гамрекели, В. Н. *Торговые связи Восточной Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. Т. I.* – Тбилиси, 1968.
11. Греков, Б. Д. *Киевская Русь.* – М., 1953.
12. Klaproth, J. *Memoire dans le quel on prouve l'identite des Ossetes, peuplade du Caucase, avec les Alain du toyenage.* – Paris, 1822; Миллер, В. Ф. *Осетинские этюды.* Ч. 3. – М., 1887; Меликишвили, Г. А. *К истории древней Грузии.* – Тбилиси, 1959; Виноградов, В. Б. *Сарматы Северо-Восточного Кавказа.* – Грозный, 1963; Новосельцев, А. П. *Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа.* – М., 1990; Гадло, А. В. *Этническая история Северного Кавказа IV–X вв.* – Л., 1979.
13. Ковалевский, М. М. *Закон и обычай на Кавказе. Т. 2.* – М., 1890.
14. Мровели, Л. *Жизнь Картлийских царей.* – М., 1979.
15. Рейнегс, Я. *Дагестан в известиях русских и западноевропейских авторов XIII–XVIII вв.* – Махачкала, 1992.
16. «Тарих-Дагистан» Мухаммад-Рафи // *Дагестанские исторические сочинения.* – М., 1993.
17. Фадеев, А. В. *Россия и Кавказ первой трети XIX в.* – М., 1960.
18. Хашиев, Х.-М. О. *Общественный строй Дагестана XIX в.* – М., 1961.
19. Цулая, Г. В. *Предисловие и комментарий // Мровели Л. Жизнь Картлийских царей.* – М., 1979.
20. Челеби, Э. *Книга путешествий.* – М., 1979.
21. Энгельс, Ф. *О разложении феодализма и возникновении национальных государств // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения.* – Изд. 2-е. Т. 21.

References:

1. Anchabadze, Z.V. *Ocherki ekonomicheskoy istorii Gruzii pervoj poloviny XIX v.* – Tbilisi, 1966.
2. Belov, fon G. *Gorodskoj stroj i gorodskaya zhizn' srednevekovoj Germanii.* – M., 1912.
3. Bol'shakov, O. G. *Srednevekovyj gorod Blizhnego Vostoka (VII – seredina XIII vv.).* – M, 1984.
4. Bryus, G. *Dnevnik*; per. s angl. // RF, IIAE DNC RAN. F. 1. Op.1. D. 58.
5. Veber, M. *Gorod / Institut municipal'nogo upravleniya.* – Obninsk, 1996.
6. Gadzhiev, Z. T. *Osnovnye cherty i osobennosti obshchestvenno-politicheskogo razvitiya Vostochnogo Kavkaza v period osmano-persidskogo protivostoyaniya (XVI–XVIII vv.): dis. ... k. i. n.* – M., IV RAN, 2012.
7. Gadzhiev, M. G., Davudov, O. M., SHihsaidov, A. R. *Istoriya Dagestana s drevnejshih vremyon do konca XV v.* – Mahachkala, 1996.
8. Gadzhiev, T. V. *Gosudarstvo, obshchestvo i pravo v Dagestane (s drevnejshih vremyon do vtoroj chetverti XIX v.): dis. ... d.i.n.* – M.: IEIA RAN, 2002.
9. Gadlo, A.V. *Etnicheskaya istoriya Severnogo Kavkaza IV–X vv.* – L., 1979.
10. Gamrekeleli, V. N. *Torgovyie svyazi Vostochnoj Gruzii s Severnym Kavkazom v XVIII v. T. I.* – Tbilisi, 1968.

11. Grekov, B. D. *Kievskaya Rus'*. – M., 1953.
12. Klaproth, J. *Memoire dans le quel on prouve l'identite des Ossetes, peuplade du Caucase, avec les Alain du moyenâge*. – Paris, 1822; Miller, V. F. *Osetinskie etyudy*. CH. 3. – M., 1887; Melikishvili, G. A. *K istorii drevnej Gruzii*. – Tbilisi, 1959; Vinogradov, V. B. *Sarmaty Severo-Vostochnogo Kavkaza*. – Groznyj, 1963; Novosel'cev, A. P. *Hazarское gosudarstvo i ego rol' v istorii Vostochnoj Evropy i Kavkaza*. – M., 1990; Gadlo, A. V. *Etnicheskaya istoriya Severnogo Kavkaza IV–X vv.* – L., 1979.
13. Kovalevskij, M. M. *Žakon i obyčaj na Kavkaze*. T. 2. – M., 1890.
14. Mroveli, L. *ZHizn' Kartlijskih carej*. – M., 1979.
15. Rejneps, YA. *Dagestan v izvestiyah russkih i zapadnoevropejskih avtorov XIII–XVIII vv.* – Mahachkala, 1992.
16. «Tarih-Dagistan» Muhammad-Rafi // *Dagestanskije istoricheskie sochineniya*. – M., 1993.
17. Fadeev, A. V. *Rossiya i Kavkaz pervoj treti XIX v.* – M., 1960.
18. Hashaev, H.-M. O. *Obshchestvennyj stroj Dagestana XIX v.* – M., 1961.
19. Culaya, G. V. *Predislovie i kommentarij* // Mroveli L. *ZHizn' Kartlijskih carej*. – M., 1979.
20. CHElebi, E. *Kniga puteshestvij*. – M., 1979.
21. Engel's, F. O *razlozhenii feodalizma i vzniknovenii nacional'nyh gosudarstv* // K. Marks i F. Engel's. *Sochineniya*. – Izd. 2-e. T. 21.